
ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ

HISTORICAL ASPECTS OF SECURITY

УДК 94 (470).07.08.316

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ В РОССИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ МЕРИТОКРАТИИ: АНТИКОРРУПЦИОННАЯ РЕФОРМА Н.Н. МУРАВЬЕВА-АМУРСКОГО (1848-1860 гг.)

В.А. Должиков

*Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул,
e-mail: dolshikov@yandex.ru*

В статье с позиций современной методологии рассматривается актуальный исторический опыт успешной антикоррупционной реформы, осуществленной генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым-Амурским в 1848–1860 гг. на региональном уровне в условиях общеимперского системного кризиса. Подчеркивается, что реформа проводилась при участии большой группы экспертов, состоявшей из ссыльных оппозиционных политиков. Центральное место в работе отводится кардинальному обновлению корпуса чиновников восточносибирской администрации посредством кадрового рекрутинга молодых представителей европеизированного меньшинства элиты, получивших юридическое образование в привилегированных учебных заведениях столицы России – Александровском лицее и Училище правоведения. По мнению автора, данная реформа является приблизительным ана-

логом преобразований, осуществлявшихся премьер-министром Сингапура Ли Куан Ю на рубеже XX–XXI вв., поскольку целью обоих государственных деятелей было формирование режима политической меритократии.

Ключевые слова: Муравьев-Амурский, Восточная Сибирь, коррупция, системный кризис, реформа, элита, меритократия, Ли Куан Ю.

**HISTORICAL EXPERIENCE
OF THE FORMATION
OF ADMINISTRATIVE MERITOCRACY IN RUSSIA:
THE ANTI-CORRUPTION REFORM
BY N.N. MURAVYOV-AMURSKY, 1848-1860**

V.A. Dolzhikov

*Altai State University, Russia, Barnaul,
e-mail: dolshikov@yandex.ru*

In this article, the author, on the basis of modern methodological approaches, considers the actual historical experience of a successful anti-corruption reform, carried out by the Governor-General of Eastern Siberia, Nikolai Muravyov-Amursky, in 1848-1860 at the regional level in the conditions of the general imperial system crisis. The author emphasizes that the reform was carried out with the active participation of a large group of experts, consisting of exiled opposition politicians. The central place in the reform is devoted to the cardinal renewal of the government officials of the East Siberian Administration through the recruitment of young representatives of the Europeanized minority of the elite, who received professional legal education in the privileged educational institutions of the capital of Russia, namely the Tsarskoye Selo Lyceum and the Imperial School of Jurisprudence. In the author's opinion, this reform is an approximate analogy to the reforms implemented by the Prime Minister of Singapore, Lee Kuan Yew, at the turn of the 20th and 21st centuries, since the goal of both statesmen was the formation of a political meritocracy regime. The author concludes that the anti-corruption reform of Muravyov-Amursky was interrupted due to strong opposition from an influential conservative group of metropolitan bureaucrats, and its initiator was forced to leave forever from real Russian politics.

Keywords: Muravyov-Amursky, Eastern Siberia, corruption, systemic crisis, reform, meritocracy, Lee Kuan Yu.

Введение

В мае 2018 г. исполняется 160 лет со дня подписания российско-китайского Айгунского договора о дальневосточных границах двух соседних стран. Инициатором этого дипломатического акта, значение которого для национальной безопасности сегодня поистине трудно переоценить, был выдающийся государственный

деятель Николай Николаевич Муравьев-Амурский (1809–1881). К сожалению, его заслуги перед Россией на протяжении всего советского периода замалчивались, а конкретные результаты многогранной деятельности этого политика, военачальника и дипломата в официозной историографии переадресовывались его сподвижникам, в частности, В.С. Завойко и Г.И. Невельскому.

Данная тенденция по своим истокам восходит к влиятельному идеологу большевистского режима В. Полонскому, который утверждал, что Муравьев-Амурский – это «сатрап, ничуть не хуже и ничуть не лучше других сатрапов, терзавших Россию» (Полонский, 1921, 134). И вплоть до начала 1980-х гг. региональную политику генерал-губернатора Восточной Сибири многие советские историки считали «сатрапской формой управления» (Шатрова, 1984: 102-103).

В отечественной историографии, впрочем, и тогда существовали две позиции, взаимно исключаящие друг друга. Так, в одной из работ М.Д. Сергеев противопоставлял «высшему начальнику губернии» (?) декабриста Д. Завалишина с его крайне субъективной критикой «муравьевщины». Вместе с тем данный автор в итоге признавал, что все же «именно Н.Н. Муравьев был одним из наиболее либеральных администраторов» (Сергеев, 1981: 52). Похожей точки зрения до сих пор придерживается Н.П. Матханова. С одной стороны, она отмечает, что в политическом курсе муравьевской администрации «наиболее важной и постоянной оставалась антикрепостническая направленность». Однако, по оценке исследователя, будто бы «в последние два года генерал-губернаторства Муравьева (т.е. в 1859–1860 гг. – В.Д.) произошли некоторые отклонения от прежнего сравнительно либерального курса» (Матханова, 1998: 184, 208).

Благодаря публикациям П.И. Кабанова, А.И. Алексеева, Н.П. Матхановой, А.В. Ремнева и некоторых других исследователей, в том числе автора данной статьи (Кабанов, 1959; Алексеев, 1983; Матханова, 1998, 2016; Должиков, 1994, 2009; Ремнев, 1997, 2004), к настоящему времени в литературе уже преобладают совершенно другие взгляды и оценки. В историографической реабилитации Муравьева-Амурского главная заслуга принадлежит, бесспорно, П.И. Кабанову. Он первым обратил внимание на четко выраженную реформаторскую линию в политике генерал-губернатора Восточной Сибири. Во многих своих практических начинаниях, и особенно в неосуществленных планах преобразований на региональном уровне, подчеркивает данный автор, он эволюционировал неуклонно в сторону экономического либерализма «намного дальше», чем правительство императора Александра II (Кабанов, 1959: 85-100).

Негативная тенденция, доминировавшая в историографии Н.Н. Муравьева-Амурского, сегодня в основном уже преодолена (Кочнева, 2014). Лишь отдельные авторы продолжают выискивать пресловутые «минусы» в политической биографии генерал-губернатора Восточной Сибири (Смирнов, 2017). Мы полагаем, что более важной задачей сегодня все-таки является реконструкция тех позитивных аспектов деятельности данного политика, которые остались вне поля зрения исследователей.

В частности, самой интересной и наименее изученной из всех административных новаций, введшихся Н.Н. Муравьевым в Восточной Сибири за 1848–1860 гг.,

является беспрецедентная, на наш взгляд, по тем временам антикоррупционная реформа аппарата управления регионом. «Восточная Сибирь была до приезда Н.Н. Муравьева странойю темного, непроходимого взяточничества, – свидетельствует один из современников, – где почти все было подкупное; где, начиная с писца полиции и кончая высшими лицами, все были, за немногими исключениями, отъявленными взяточниками...» (Скарятин, 1860: л. 5). Поэтому генерал-губернатором, настроенным очень решительно, была инициирована масштабная «чистка» региональной администрации. «Людей честных, преданных делу и бескорыстных он всячески поддерживал и приближал к себе, – отмечает биограф Н.Н. Муравьева, – доверял, продвигал по службе» (Алексеев, 1983: 173). С этого кадрового эксперимента и следует, по-видимому, начинать отсчет «муравьевского времени» в истории региона.

Материалы и методы

Согласно методологическим установкам классика политической социологии, лишь своевременная рациональная модернизация бюрократии (Civil Service Reform) способна обеспечить «развитие и превращение современного чиновничества в совокупность трудящихся (Arbeiterschaft), высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность». В противном же случае, предостерегает М. Вебер, «возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мешанства, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь» (Вебер, 1990: 657).

Заметим особо, что в качестве консультантов и советников генерал-губернатор привлекал видных деятелей русского общественного движения, не по своей воле оказавшихся в крае. По свидетельству Н.Н. Пестерева, «Муравьев – генерал-губернатор Восточной Сибири, человек, говорят, умный, доброжелательный и даже крайне либеральный, друг и приятель всех политических людей, их спрашивает и выслушивает, с ними советуется...». В цитируемых выше неопубликованных мемуарах современника событий названы конкретные лица: Д.И. Завалишин, В.Ф. Раевский и Н.А. Спешнев (Пестерев, 1866: л. 144). Особую роль в этой группе экспертов играл М.А. Бакунин – политик мирового уровня. В тот момент он был все не анархистом. В Сибири его знали больше как европейскую знаменитость, как «бывшего вице-президента саксонской республики» (Потанин, 1983: 87). Бакунина здесь прямо называли «тайным советником» администрации (Быкова, 1899: 37). Как сообщал А. Розенталь в письме киевскому военному генерал-губернатору И.И. Васильчикову от 10 июля 1860 г., «великий анархист» был «одним из доверенных лиц Генерал-губернатора», имел на него «могучее влияние» (Розенталь, 1860: л. 212-212об). Похожим образом роль М.А. Бакунина в окружении генерал-губернатора определяют и другие современники (Должиков, 1994).

Постоянные контакты Н.Н. Муравьев-Амурский поддерживал не только с политическими ссыльными, проживавшими в Иркутске и других восточносибирских

городах. В Западной Сибири он часто навещал М.И. Муравьева-Апостола, И.И. Пущина, И.Д. Якушкина и других ссыльных декабристов. Проезжая мимо Томска, генерал-губернатор обязательно встречался с Г.С. Батеньковым, бывшим секретарем своего предшественника по должности М.М. Сперанского. Некий Н. Петров доносил начальству тайной политической полиции о регулярных его свиданиях с этим «государственным преступником». Как сообщается в доносе, Батеньков и Муравьев-Амурский обычно встречались на квартире или в загородном доме их общего знакомого, томского золотопромышленника, камергера И.Д. Асташева. «В одно время я спросил этого преступника, – вспоминал осведомитель, – по какому знакомству он бывает у генерала?». На вопрос Петрова Г.С. Батеньков будто бы отвечал: «Г[осподин.] Муравьев – близкий есть к ним (преступникам) человек; они его оставили во время бунта 1825 г. тринадцатилетним в пажеском корпусе и что посредством его они надеются быть прощенными и освобожденными из Сибири» (Должиков, 1994: 50). Надежды Г.С. Батенькова и других декабристов на освобождение из ссылки с помощью Муравьева-Амурского, впрочем, были обоснованными. Действительно, генерал-губернатор Восточной Сибири смог добиться распространения императорского указа 1856 г. о половинчатой амнистии не только на них, но и на часть так называемых петрашевцев и польских повстанцев 1830–1849 гг. (Кубалов, 1924: 155-158).

В.И. Вагин вспоминал о необычайно теплом приеме Н.Н. Муравьевым в Иркутске М.В. Петрашевского, Н.А. Спешнева и Ф.А. Львова после их освобождения с каторги (Вагин: л. 33об). По свидетельству другого очевидца событий, «Петрашевский, Спешнев и Львов были ласкаемы генерал-губернатором, а за ним прочею местною знатью». М.В. Петрашевский, который нередко изображается в литературе идейным противником главы восточносибирской администрации, «был даже одно время чем-то вроде хозяйки дома Муравьева, за отсутствием уехавшей в Париж жены» (Венюков, 1895: 273-274). Возможно, что авторы цитировавшихся выше мемуаров могли что-то преувеличить.... Но тогда какими причинами объясняется включение «царским сатрапом» недавних политкаторжан в состав кадрового корпуса восточносибирской администрации? Так, наиболее радикально настроенный из них – Н.А. Спешнев – стал вскоре близким сотрудником генерал-губернатора. Сначала он возглавил редакцию официального печатного органа – «Иркутских губернских ведомостей», а затем занял должность начальника путевой (походной) канцелярии Н.Н. Муравьева-Амурского (Должиков, 1994; Шевцов, 2012: 37-44). В этом качестве Спешнев сопровождал генерал-губернатора во время его поездок по краю. Выезжал он с ним и за границу, в Китай и Японию (Романов, 1914: 5; Кубалов, 1958: 73-74; Должиков, 1994; Шевцов, 2012). М.В. Петрашевскому было поручено заведовать неофициальным общественным отделом редакции той же самой губернской газеты. Место чиновника в Главном управлении Восточной Сибири получил и Ф.А. Львов (Кубалов, 1958: 74).

Длительное политическое сотрудничество связывало Н.Н. Муравьева-Амурского со многими видными общественными деятелями данной эпохи. В число его советников на протяжении тринадцати лет входили: М.А. Бакунин, Г.С. Батеньков, М.А. Бестужев, Д.И. Завалишин, В.Ф. Раевский, М.В. Петрашевский, Н.А. Спешнев

и др. Причем для официального Петербурга все они оставались неблагонадежными. Надо ли доказывать, что данный фактор серьезно влиял на политику региональной администрации, модифицируя ее соответствующим образом? В любом случае персональные реформаторские ориентиры Муравьева-Амурского были по этой причине намного более последовательными, нежели у столичных так называемых либеральных бюрократов.

Например, вряд ли в правительственных кругах Петербурга мог иметь место конфликт вроде того, который возник у генерал-губернатора Восточной Сибири с его неформальным политическим советником Д.И. Завалишиным. «Главной причиной расхождений, – утверждала Г.П. Шатрова, – являлось то, что Завалишин при всей ограниченности занимаемой позиции, умеренности взглядов исходил из интересов народа...». Тогда как Муравьев якобы «защищал государственную бюрократическую систему управления» (Шатрова, 1984: 102-103). В данном случае, на наш взгляд, ситуация комментируется с точностью наоборот. Сам Завалишин сообщает в своих мемуарах, что поводом к окончательному разрыву взаимоотношений с Н.Н. Муравьевым в декабре 1855 г. послужил, и это весьма характерно, произнесенный генерал-губернатором тост в память 30-летней годовщины известных событий на Сенатской площади. Оказывается, свое участие в них Д.И. Завалишин считал к тому времени досадной ошибкой молодости (Завалишин, 1884: 824, 841, 857-858). Подогревая конфликт, он стал сочинять политические доносы на Муравьева-Амурского и отправлял их в столицу высокопоставленным особам. С.Ф. Коваль, Г.П. Шатрова и другие авторы напрасно изображали добровольного осведомителя имперской спецслужбы политического сыска чуть ли не демократом-народником (Коваль, 1975: 264; Шатрова, 1984: 120). В.П. Сукачев давно заметил, что завалишинские «памфлеты» против Муравьева-Амурского «односторонни и предвзяты». Вместе с тем они «как нельзя более приходились на руку части высших петербургских сфер, недовольной Муравьевым» (Сукачев, 1891: 7). Порочную склонность Завалишина к доносительству отмечал также Б.Г. Кубалов (Кубалов, 1958: 149-150).

Проблема обновления кадрового корпуса чиновников региональной администрации решалась генерал-губернатором в основном за счет вызова желающих поехать на службу в Восточную Сибирь. «Н.Н. Муравьев умел подбирать себе сотрудников, – отмечает М.И. Венюков, служивший также здесь в 1850-е гг., – у которых честное отношение к делу было первым законом их службы, а крючкотворчество стояло на последнем месте» (Венюков, 1895: 213). По воспоминаниям В.Д. Скарятин, из Петербурга всякий раз Муравьев-Амурский привозил с собой в Иркутск «целый транспорт молодых чиновников» (Скарятин, 1860: л. 5). Статистические данные подкрепляют эту оценку. Согласно сведениям И.Л. Дамешек, состав аппарата Главного управления Восточной Сибири, начиная с 1853 г., существенно менялся за счет притока чиновников молодого возраста – в интервале между 20 и 30 годами. Аналогичные общероссийские возрастные показатели были в то время гораздо выше (Дамешек, 2018).

Неслучайно в команду генерал-губернатора вошли сыновья и близкие родственники декабристов: Ф.А. Анненков, М.С. Волконский, Е.И. Ледантю, В.А. Му-

равьев, В.М. Муравьев, Н.Д. Свербеев, В.И. Якушкин и др. (Должиков, 2009). Так, лично для Михаила Волконского Н.Н. Муравьев добился перевода по службе с Кавказа в Иркутск и назначил его своим личным адъютантом (Муравьев, 1856). «Сибирь, право, лучше Петербурга, – сообщал Федор Анненков своему дяде И.И. Пущину в 1857 г., – там человек самостоятельнее и по мере возможности может быть полезным. Иркутск теперь наводнен новыми людьми...» (Анненков, 1857: л. 52). Причины столь высокой концентрации в регионе образованных молодых чиновников и офицеров на рубеже 1850–1860-х гг. некоторые авторы объясняют лишь их карьеристскими намерениями. Но факты говорят об ином.

«Как достиг Муравьев, – задает вопрос один из очевидцев, – подобных результатов? Чинов, орденов было тут мало. Нет, нужна была кипучая деятельность этого замечательного человека..., нужен энтузиазм (да, энтузиазм!), который внушает молодым людям эта необыкновенная, высокая личность». Действительно, как иначе объяснить, что «служи они в Петербурге, ни о какой другой службе, кроме дипломатического корпуса, и не мечтали бы, идут у графа Муравьева в исправники и становые, и проводят жизнь, таскаясь по глухим деревням и грязным избам?» (Скарятин, 1860: л. 5об). Современник передает более или менее точно главный мотив подвижнической деятельности молодых сотрудников региональной администрации распространенным в то время понятием «энтузиазм». Подразумевалось романтическое воодушевление, окрыляющее чувство подъема над рутинной отечественной повседневностью.

По словам В.И. Вагина, «Муравьев окружил себя молодежью, главным образом лицеистами, товарищами Струве...» (Вагин: л. 37). Имеется в виду Б.В. Струве – сын академика, основателя Пулковской астрономической обсерватории В.Я. Струве, отец будущего видного русского мыслителя, идеолога Конституционно-демократической партии П.Б. Струве. Это были: Ф.А. Анненков, П.П. Аносов, Ф.А. Беклемишев, Е.К. Бюцов, Д.Н. Гурьев, А.И. Малиновский, П.П. Каблуков, Ф.П. Павлицев, Н.А. Хитрово и др. (Должиков, 2009). Среди помощников и сотрудников генерал-губернатора Восточной Сибири, действительно, преобладала «молодежь знатных фамилий».

Неслучайно Муравьев-Амурский отводил большую роль наличию базовой правовой подготовки у кандидатов на должности чиновников, а именно их юридической специализации. Не без оснований он полагал, что грамотные юристы помогут ему справиться с бюрократическим произволом и махровой коррупцией в крае. Многие из новобранцев, как и Б.В. Струве, были выпускниками Александровского (бывшего Царскосельского) Императорского лицея. Это закрытое (элитарное) специализированное учебное заведение, основанное в 1811 г. по проекту «министра нововведений» и в прошлом генерал-губернатора Сибири М.М. Сперанского (Селезнев, 1861; Пивоваров, 1994: 75). Особый интерес в связи с рассматриваемой темой вызывает и сам лицей.

Главная задача этого учебного заведения по его уставу состояла в том, чтобы, во-первых, «доставить воспитанникам образование общее», а во-вторых, образование «специальное, готовящее выпускаемых быть полезными чиновниками, преимуще-

ственно по части внутреннего государственного управления» (Селезнев, 1861: 511). На последних двух курсах лицеисты получали юридическую подготовку в объеме, близком к университетскому профилю. Помимо широкого набора гуманитарных дисциплин лицеисты изучали политэкономии, статистику и правоведческие науки, включая их историю (каноническое право, римское право, международное, гражданское, государственное, уголовное и финансовое). То есть они в процессе учебы получали все необходимые профессиональные знания (Руденская, 1984). Характерной в этом отношении является карьера упоминавшегося выше Б.В. Струве, который в 25-летнем возрасте уже занимал должность губернатора (Вагин: л. 37). И это далеко не единственный пример успешного продвижения недавних лицеистов по службе.

Александровский лицей был, кстати говоря, первым в истории России учебным заведением, в котором запрещались телесные наказания (Пивоваров, 1994: 75). Во время посткрымского кризиса и к началу связанной с ним политической «оттепели» 1856–1862-х гг. именно его выпускники стали авангардом первого «не поротого» (и в буквальном смысле) молодого поколения национальной элиты. «В истории русского освободительного движения Александровскому лицезу принадлежит выдающаяся роль, – справедливо замечает исследователь, – ... в среде лучшей части его воспитанников находили живой отклик самые передовые общественные идеи» (Рудницкая, 1963: 449). Поэтому многие из них (к примеру, братья А.А. и Н.А. Серно-Соловьевич) играли значительную роль в оппозиционном движении той эпохи.

Данный социальный феномен имел, конечно, свои причины. «Хождение в Сибирь» 1850-х – начала 1860-х гг., на наш взгляд, обусловлено политическим кризисом центральной власти Российской империи. После Крымской катастрофы 1855 г. на фоне всеобщей деморализации, когда патриотические чувства молодых русских дворян были уязвлены и требовали психологического возмещения, очевидные успехи Н.Н. Муравьева и его соратников на Востоке («Камчатская оборона» 1854 г. и, в особенности, «Амурское дело» 1858 г.) воспринимались как своего рода моральная компенсация. Молодые патриоты осознавали, что там, где командовали лже-Романовы (Крым), – военное и политическое поражение, национальный позор, а там, где Муравьевы (Амурский и Карский), – победа и успех!

На очевидные внешнеполитические достижения Н.Н. Муравьева были вынуждены реагировать и Николай I, и Александр II. «Правительство не могло не оценить этой необычной энергии, – констатирует современник, – и на Муравьева сыпались награды и почести, как из рога изобилия. Приехав в Иркутск в 1848 г. в чине генерал-майора и имея лишь Станиславскую звезду, он, в течение тринадцати лет, получил генерал-лейтенанта, генерала от инфантерии, звание генерал-адъютанта, графский титул и ордена до Владимира I степени включительно» (Линден, 1905: 122). Впечатляющие успехи «сибирского проконсула» и сделали его популярным у молодого поколения национальной элиты. «Служить в Сибирь меня манил не карьеризм, – вспоминал Б.А. Милютин, – он не был в моем характере. Сверх того, еще студентом, то есть лет за восемь, Сибирь меня привлекала, Амурская эпопея была у всех на языке. Личность графа Муравьева была какою-то легендарною» (Милютин, 1888: 595). Большинство молодых офицеров и чиновников, приехавших в Иркутск

по личному вызову генерал-губернатора, руководствовались именно патриотическими побуждениями. Были, конечно, среди сибирских новобранцев обыкновенные карьеристы, рассчитывавшие на доходные должности, награды и привилегии (Венюков, 1895: 237). Но все-таки кадровое ядро нового корпуса региональной элиты составляли европейски образованные, интеллигентные офицеры и чиновники, мотивация большинства которых была совсем иной.

Результаты

Качество сформированного Н.Н. Муравьевым-Амурским корпуса чиновников региона оставалось высоким даже после вынужденной отставки генерал-губернатора, когда очень многие из его сотрудников «массою хлынули оттуда», уезжая вслед за своим руководителем (Венюков, 1895: 265). «В 1862 году высшая сибирская администрация, – заметил отправившийся также добровольно на службу в Иркутск П.А. Кропоткин, – была гораздо более просвещенной и, в общем, гораздо лучше, чем администрация любой губернии в Европейской России». По его же оценке, эта команда молодых администраторов «имела самые лучшие намерения». Ибо «состояла она, во всяком случае, из людей гораздо лучших, гораздо более развитых и более заботившихся о благе края, чем остальные власти в России» (Кропоткин, 1923, 36, 40-41, 44-45; Кропоткин, 1990, 160).

В последнее время заметно растет интерес отечественных исследователей к феномену «экономического чуда» в Сингапуре, которому это небольшое государство Дальнего Востока обязано премьер-министру Ли Куан Ю, осуществившему весьма успешную антикоррупционную административную реформу (Ли Куан Ю, 2014; Пиляева, 2012; Кузнецова, 2014; Селезнев, 2014; Жук, 2015). При этом фиксируется прямая связь эффективной модернизации экономики с достаточно радикальными преобразованиями всей системы политических и социальных институтов (Селезнев, 2014: 166). Проводившиеся в Сингапуре антикоррупционные преобразования с точки зрения исторической компаративистики очень напоминают более ранние по времени реформы Н.Н. Муравьева-Амурского. Как и Ли Куан Ю, генерал-губернатор Восточной Сибири был столь же целеустремленным и харизматическим (по терминологии М. Вебера) лидером. При всей разнице историко-хронологического и территориального контекстов оба политика, что характерно, добивались качественных изменений в кадровом корпусе чиновников государственного аппарата.

Сходство реформаторской стратегии этих двух политических деятелей – Н.Н. Муравьева и Ли Куан Ю – состоит еще и в том, что они были вынуждены решать проблему традиционной коррумпированности и профессиональной некомпетентности местных чиновников. Главная цель их антикоррупционных действий – это формирование режима так называемой меритократии (Герасимов, 2015: 230-231). «...В административных действиях мы не лучше китайцев, – отмечал близость двух соседних культур Муравьев-Амурский в письме 1859 г., адресованному своему другу Е.П. Ковалевскому, – судебная часть наша конечно хуже китайской, дай бог только, чтоб политическая с ними не равнялась» (Муравьев, 1859: л. 1). Если же рассматривать меритократию как систему административного управления, сочета-

ющую свободу в сфере экономики с определенной авторитарностью, можно также выделить ряд признаков, сближающих по типологии реформаторские новации двух выдающихся государственных деятелей.

Далеко не каждый из предшественников Муравьева-Амурского заслужил в памяти сибиряков репутацию талантливого управленца и политического реформатора. Хотя, казалось бы, «периферийность» и дистанционная удаленность Восточно-Сибирского региона от центра империи должны были способствовать генерал-губернаторам в решении местных проблем оперативным и достойным образом. Но их реальный политический статус осложняли сразу несколько факторов. Во-первых, сам институт генерал-губернаторства в Российской империи не имел под собой твердой нормативной почвы (единая инструкция, определяющая пределы его полномочий, была издана лишь в 1853 г.). Во-вторых, из принятого регламента следует, что власть генерал-губернаторов имела во многом не правовой, а скорее произвольный характер, ограниченный персоналистским потенциалом управленческих качеств, которыми далеко не все из них могли обладать (Матханова, 2016). В-третьих, довольно жесткие рамки для самостоятельной деятельности генерал-губернаторов этого периода диктовались политикой консервативной охранительной стабилизации, присущей не только «рыцарскому самодержавию» императора Николая I, но и периоду «великих реформ» Александра II. «В Петербурге, конечно, знали, что у нас дела так скоро не делаются, – замечает М.И. Венюков, – и даже не должны делаться, чтобы колесница цивилизации не пошла слишком быстро вперед и не создала на Амуре Новой Калифорнии...» (Венюков, 1895, 225).

Обсуждение и заключение

Итак, в стратегическом смысле вынужденная отставка Н.Н. Муравьева в 1860 г. и его скорая «политическая смерть», несомненно, были выгодны, прежде всего, столичной реакционной бюрократии. «Петербург, весь высший официальный мир его ненавидит, – сообщал он в письме к лондонским друзьям, – ... в Третьем Отделении он записан как архикрасный» (Бакунин, 1935: 309). Наряду с другими аналогичными фактами выдающегося государственного деятеля России стала своего рода сигналом к реваншистскому наступлению крепостников против немногочисленных еще демократов, либералов и реформаторов. М.А. Бакунин обладал к тому времени богатым и разнообразным политическим опытом. Он оказался, кстати, единственным из русских демократов, кто полностью осознавал отдаленные цели и смысл акции, спровоцированной против «красного графа» в 1859–1860 гг. Поэтому Бакунин и выступал в поддержку восточносибирской администрации, против организаторов и вдохновителей антимуравьевской кампании, а также вольных и невольных ее пособников.

Они действительно сумели подорвать репутацию генерал-губернатора в общественном мнении. «Судьба Муравьева в Сибири, – пишет в своем дневнике П.А. Кропоткин, – замечательна. Теперь так редко встретишь человека, говорящего о нем с сочувствием. После всеобщих восторгов... началось противодействие – закон неизбежный. Время середины еще не пришло». Негативную память о графе

Амурском П.А. Кропоткин фиксирует главным образом в высшем слое сибирского общества. В то же самое время, заметил он, «...многие отзываются о нем, как о ком-то много выше остальных людей, в особенности в низших классах» (Кропоткин, 1923: 36, 92). Но и М.А. Бакунин полагал, что «имя Муравьева не умрет в Сибири» (Бакунин, 1935: 309). Историческую правоту его предвидения подтверждает биограф знаменитого генерал-губернатора. «Еще и до сих пор рассказывают старожилы были и небылицы, – отмечал А.И. Алексеев, – про крутого, норовистого, горячего, но справедливого губернатора. Часто подлинное соседствовало с выдумкой, но и через десятилетия рассказы эти были неизменно доброжелательны» (Алексеев, 1983: 227).

Слабым звеном в политической линии Н.Н. Муравьева-Амурского являлось несоответствие декларируемых целей и средств, применяемых для ее осуществления. Так или иначе, он все равно оставался функционером конкретной государственной системы, вынуждавшей действовать по ее правилам. Лишь с учетом вышеназванных обстоятельств можно понять и объяснить причины, по которым реформы генерал-губернатора Восточной Сибири остались незавершенными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев А.И. Николай Николаевич Муравьев. В кн.: Первопроходцы: сборник (сост. Л. Демин). М.: Мол. гвардия, 1983, 162–229.

Анненков Ф.А. Письмо И.И. Пущину от 6 января 1857 г. из Иркутска. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1705. И.И. Пущин, оп. 1, д. 8.

Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. Т. IV. М.: Изд-во Комм. Академии, 1935.

Быкова В.П. Записки старой смолянки: в 2 ч. Ч. 2. СПб.: Типогр. Е. Евдокимова, 1899.

Венюков М.И. Из воспоминаний. 1832-1867. Кн. I. Амстердам: [б. и.], 1895.

Герасимов В.С. Политическая меритократия: восточная альтернатива западным традициям управления обществом в XXI веке. Вестник МГИМО Университета. Политология, 2015, № 2 (41), 230–237.

Вагин В.И. Муравьевское время в Сибири (рукопись). Государственный исторический архив Иркутской области. Ф. 162. В.И. Вагин, оп. 1. д. 48.

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (опыт компаративного исследования окраинной политики России в первой половине XIX в.) [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/domeshek_li/dameshek_4.html (дата обращения 25.01.2018).

Должиков В.А. Политический альянс М.А. Бакунина и Муравьева-Амурского (к историографии проблемы). В кн.: Вопросы политической истории и политологии: сборник научных статей. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1994, 46-57.

Должиков В.А. Феномен графа Н.Н. Муравьева-Амурского в контексте многовариантного национально-регионального политического процесса в России эпохи «оттепели» (рубеж 1850-1860-х годов). В кн.: Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009, 31-45.

Жук А.А. Политическая меритократия в Сингапуре. Историческая и социально-образовательная мысль, 2015, № 7(6/2), 39-42.

Завалишин Д.И. Декабристы. Русский вестник, 1884, № 1, 820-861.

Завалишин Д.И. Записка о революционных принципах, теориях и действиях (рукопись). Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 289. Д.И. Завалишин, оп. 1, д. 8.

Кабанов П.И. Амурский вопрос. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1959.

Коваль С.Ф. Декабристы и общественное движение 50–начала 60-х годов XIX века. В кн.: В сердцах Отечества сынов. Декабристы в Сибири. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975, 263-278.

Козюра А.В. Российская историография о роли Н.Н. Муравьева-Амурского в становлении дальневосточной политики. В кн.: Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Вып. 2. М.; Иркутск; Тэгү, 1997, 28–32.

Кочнева Л.П. (сост.). Памяти достоин: к 205-летию со дня рождения Н.Н. Муравьева-Амурского: библиогр. указ. 2-е изд. доп. Амур. обл. науч. б-ка им. Н.Н. Муравьева-Амурского. Благовещенск, 2014.

Кропоткин П.А. Дневник. М.-Пг.: Госуд. изд-во, 1923.

Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990.

Кубалов Б.Г. Декабристы и амнистия. Сибирские огни, 1924, № 5, 155–158.

Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1958.

Кузнецова О.А. Зарубежный опыт борьбы с коррупцией: проблемы и эффективность. Вестник Тамбовского университета, 2014, № 2, 195-197.

Ли Куан Ю. Из третьего мира – в первый. История Сингапура (1965–2000). М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014.

Линден А.М. Записки. Русская старина, 1905, Т. 122, № 4-5-6, 108–143.

Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в.: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998.

Матханова Н.П. Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика. Известия Иркутского государственного университета. Сер. История, 2016, № 15, 22–30.

Милютин Б.А. Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири (Отрывок из воспоминаний). Исторический вестник, 1888, № 12, 595-635.

Муравьев Н.Н. Выписка из отношения генерал-губернатора Восточной Сибири к управляющему Сибирского комитета от 14 декабря 1858 г. Российский государственный исторический архив. Ф. 772, оп.1 ч. 2, д. 4701.

Муравьев Н.Н. О командировании в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири чиновника особых поручений Кавказского комитета князя Волконского. Российский государственный исторический архив, ф. 1265, оп. 6, Д. 294.

Муравьев Н.Н. Письмо Е.П. Ковалевскому из Иркутска (1859 г.). Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Ф. 356, А.Л. Ваксель, оп. 1, д. 271.

Муравьев Н.Н. По ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири о возвращении потомственного дворянства коллежскому регистратору Спешневу, сужденному в 1849 году по прикосновенности к делу Буташевича-Петрашевского. Российский государственный исторический архив, ф. 1265, оп. 9, д. 50.

Пестерев Н.Н. Исповедь. Государственный архив Российской Федерации, ф. 95, Особая следственная комиссия 1866 г., оп. 1, д. 302 ч. IV.

Пивоваров Ю.С. Гений блага (Сперанский – министр нововведений). Социум, 1994, № 2, 69-77.

Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. М.-Л.: Госиздат, 1928.

Пиляева В.А. Меритократия. М.: Litres, 2012.

Полонский В.П. Крепостные и сибирские годы Михаила Бакунина. Красная новь, 1921, № 3, 128-145.

Потанин Г.Н. Воспоминания. Литературное наследство Сибири. Т. 6. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983, 62-109.

Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 1997.

Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004.

Розенталь А.О. Письмо киевскому военному генерал-губернатору И.И. Васильчикову от 10 июля 1860 г. из Иркутска. Государственный архив Российской Федерации, ф. 109, 3-е Отделение, 1 эксп., оп. 29, д. 415 ч. III.

Романов Н.С. (сост.). Иркутская летопись. 1857–1880 гг. Иркутск: Типография И.П. Казанцева, 1914.

Руденская М.П., Руденская С.Д. С лицейского порога. Выпускники Лицея 1811–1917 гг.: Очерки. Л.: Лениздат, 1984.

Рудницкая Е.Л. Николай Ножин. Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1963, 444–462.

Селезнев И. (сост.). Исторический очерк Императорского, бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие с 1811 по 1861 год. СПб.: Типография В. Безобразова и Ко, 1861.

Селезнев П.С. Сингапурская модернизация: инновационный опыт для России. Власть, 2014, № 7, 165-172.

Сергеев М.Д. Декабристы и царские сагапы. Известия Сибирского отд. АН СССР. Серия обществ. наук, Новосибирск, 1981, Вып. 3, № 11, 51–54.

Скарятин [В.Д.]. Беглый очерк золотопромышленности в Восточной Сибири и зна-

чение ее для края (статья). Российский государственный исторический архив, ф. 772, оп. 1 ч. 2, д. 5396.

Смирнов И.Н. Плюсы и минусы административной деятельности Н.Н. Муравьева. Лучшая научная статья 2017: сборник статей IX Международного научно-практ. конкурса (под общ. ред. Г.Ю. Гуляева). Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017, 65-70.

Сукачев В.П. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. М.: Типо-литография Тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1891.

Шатрова Г.П. Декабрист Д.И. Завалишин. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984.

Шевцов В.В. Неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» в 1857-60 гг. как орган восточносибирской генерал-губернаторской власти. Вестник Томского государственного университета. История, 2012, № 2 (18), 37-44.

REFERENCES

Alekseyev, A.I. (1983). Nikolay Nikolayevich Murav'yev. V kn.: Pervoprophodtsy: Sbornik (sost. L. Demin) (pp.162–229). M.: Mol. gvardiya.

Annenkov, F.A. Pis'mo I.I. Pushchinu ot 6 yanvarya 1857 g. iz Irkutsk. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii, f. 1705, I.I. Pushchin, op. 1, d. 8.

Bakunin, M.A. (1935). Sobraniye sochineniy i pisem. T. IV. M.: Izd-vo Komm. Akademii.

Bykova, V.P. (1899). Zapiski staroy smolyanki. V 2-ch kn., Kn. 2. SPb.: Tipogr. Ye. Yevdokimova.

Venyukov, M.I. (1895). Iz vospominaniy. 1832-1867. Kn. I. Amsterdam: [b. i.].

Gerasimov, V.S. (2015). Politicheskaya meritokratiya: vostochnaya al'ternativa zapadnym traditsiyam upravleniya obshchestvom v XXI veke. Vestnik MGIMO Universiteta, Politologiya, № 2 (41), 230–237.

Vagin, V.I. Murav'yevskoye vremya v Sibiri (rukopis'). Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Irkutskoy oblasti, f. 162, V.I. Vagin, op. 1, d. 48.

Veber, M. (1990). Izbrannyye proizvedeniya. M.: Progress.

Dameshek, I.L. Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (opyt korporativnogo issledovaniya okrainnoy politiki Rossii v pervoy polovine XIX v.). [Elektronnyy resurs]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/domeshek_li/dameshek_4.html (data obrashcheniya 25.01.2018).

Dolzhikov, V.A. (1994). Politicheskiy al'yans M.A. Bakunina i Murav'yeva-Amurskogo (k istoriografii problemy). Voprosy politicheskoy istorii i politologii: sbornik nauchnykh statey. Barnaul: Izd-vo AltGU, 46-57.

Dolzhikov, V.A. (2009). Fenomen grafa N.N. Murav'yeva-Amurskogo v kontekste mnogovariantnogo natsional'no-regional'nogo politicheskogo protsessa v Rossii epokhi «ottepeli» (rubezh 1850-1860-kh godov). Rossiyskiy politicheskiy protsess v regional'nom izmerenii: istoriya, teoriya, praktika: sbornik materialov vsrossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Barnaul: Izd-vo AltGU, 31-45.

Zhuk, A.A. (2015). Politicheskaya meritokratiya v Singapore. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl', № 7 (6/2), 39-42.

Zavalishin, D.I. (1884). Dekabristy. Russkiy vestnik, № 1, 820-861.

Zavalishin, D.I. Zapiska o revolyutsionnykh printsipakh, teoriyakh i deystviyakh (rukopis'). Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki, f. 289, D.I. Zavalishin, op. 1. d. 8.

Kabanov, P.I. (1959). Amurskiy vopros. Blagoveshchensk: Amurskoye kn. izd-vo.

Koval', S.F. (1975). Dekabristy i obshchestvennoye dvizheniye 50 – nachala 60-kh godov XIX veka. V kn.: V serdtsakh Otechestva synov. Dekabristy v Sibiri. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 263-278.

Kozyura, A.V. (1997). Rossiyskaya istoriografiya o roli N.N. Murav'yeva-Amurskogo v stanovlenii dal'nevostochnoy politiki. Vzaimootnosheniya narodov Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost'. M.; Irkutsk; Tegu, vyp. 2, 28–32.

Kochneva, L.P. (sost.) (2014). Pamyati dostoin: k 205 letiyu so dnya rozhdeniya N.N. Murav'yeva-Amurskogo: bibliogr. ukaz. 2-ye izd. Dop. Amur. Obl. nauch. b-ka im. N.N. Murav'yeva-Amurskogo. Blagoveshchensk: Amur. kn. izd-vo.

Kropotkin, P.A. (1923). Dnevnik. M.-Pg.: Gosud. izd-vo.

Kropotkin, P.A. (1990). Zapiski revolyutsionera. M.: Mysl'.

Kubalov, B.G. (1924). Dekabristy i amnistiya, Sibirskie ogni, № 5, 155–158.

Kubalov, B.G. (1958). A.I. Gertsen i obshchestvennost' Sibiri. Irkutsk: Irkut. kn. izd-vo.

Kuznetsova O.A. (2014). Zarubezhnyy opyt bor'by s korruptsiyey: problemy i effektivnost'. Vestnik Tambovskogo universiteta, № 2, 195-197.

Li, Kuan YU. (2014). Iz tret'yego mira – v pervyy. Istoriya Singapura (1965–2000). M.: Mann, Ivanov i Ferber.

Linden, A.M. (1905). Zapiski. Russkaya starina, T. 122, no 4-5-6, 108–143.

Matkhanova, N.P. (1998). General-gubernatory Vostochnoy Sibiri serediny XIX v.: V.YA. Rupert, N.N. Murav'yev-Amurskiy, M.S. Korsakov. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN.

Matkhanova, N.P. (2016). Deyatel'nost' general-gubernatorov Vostochnoy Sibiri: zakon i praktika. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. Istoriya, № 15, 22–30.

Milyutin, B.A. (1888). General-gubernatorstvo N.N. Murav'yeva v Sibiri (Otryvok iz vospominaniy). Istoricheskiy vestnik, № 12, 595-635.

Murav'yev, N.N. Vypiska iz otnosheniya general-gubernatora Vostochnoy Sibiri k upravlyayushchemu Sibirskogo komiteta ot 14 dekabrya 1858 g. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv, f. 772, op. 1, ch. 2, d. 4701.

Murav'yev, N.N. O komandirovanii v rasporyazheniye general-gubernatora Vostochnoy Sibiri chinovnika osobykh porucheniy Kavkazskogo komiteta knyazya Volkonskogo. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv, f. 1265, op. 6, d. 294.

Murav'yev, N.N. Pis'mo Ye.P. Kovalevskomu iz Irkutsk (1859 g.). Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki, f. 356, A.L. Vaksel', op. 1, d. 271.

- Murav'yev, N.N. Po khodataystvu general-gubernatora Vostochnoy Sibiri o vozvrashchenii potomstvennogo dvoryanstva kollezhskomu registratoru Speshnevu, suzhdennomu v 1849 godu po prikosnovennosti k delu Butashevicha-Petrashevskogo. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv, f. 1265. op. 9, d. 50.
- Pesterev, N.N. Ispoved'. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii, f. 95, Osobaya sledstvennaya komissiya 1866 g., op. 1, d. 302, ch. IV.
- Pivovarov, Yu.S. (1994). Geniy blaga (Speranskiy – ministr novovvedeniy). Sotsium, no 2, 69-77.
- Piksanov, N.K. (1928). Oblastnyye kul'turnyye gnezda. M.-L.: Gosizdat.
- Pilyayeva, V.A. (2012). Meritokratiya. M.: Litres.
- Polonskiy, V.P. (1921). Krepostnyye i sibirskiye gody Mikhaila Bakunina. Krasnaya nov', № 3, 128-145.
- Potantin, G.N. (1983). Vospominaniya. Literaturnoye nasledstvo Sibiri, t. 6, Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo, 62-109.
- Remnev, A.V. (1997). Samoderzhaviye i Sibir'. Administrativnaya politika vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta.
- Remnev, A.V. (2004). Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov. Omsk: Izd-vo Omsk. gos. un-ta.
- Rozental', A.O. Pis'mo kiyevskomu voyennomu general-gubernatoru I.I. Vasil'chikovu ot 10 iyulya 1860 g. iz Irkutsk. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii, f. 109, 3-ye Otdeleniye, 1 eksp., op. 29, d. 415, ch. III.
- Romanov, N.S. (sost.). Irkutskaya letopis'. 1857–1880 gg. Irkutsk: Tipografiya I.P. Kazantseva, 1914.
- Rudenskaya, M.P., Rudenskaya, S.D. (1984). S litseyskogo poroga. Vypuskniki Litseya 1811–1917 gg.: Ocherki. L.: Lenizdat.
- Rudnitskaya, Ye.L. (1963). Nikolay Nozhin. Revolyutsionnaya situatsiya v Rossii v 1859-1861 gg. M.: Izd-vo AN SSSR, 444-462.
- Seleznev, I. (sost.). (1861). Istoricheskiy ocherk Imperatorskogo, byvshego Tsarskotel'skogo, nyne Aleksandrovskogo litseya za pervoye yego pyatidesyatiletie s 1811 po 1861 god. SPb.: Tipografiya V. Bezobrazova i Ko.
- Seleznev, P.S. (2014). Singapurskaya modernizatsiya: innovatsionnyy opyt dlya Rossii. Vlast', no 7, 165-172.
- Sergeyev, M.D. (1981). Dekabristy i tsarskiye satrapy. Izvestiya Sibirskogo otd. AN SSSR, Seriya obshchestv. Nauk, Novosibirsk, Vyp. 3, № 11, 51–54.
- Skaryatin, [V.D.]. Beglyy ocherk zolotopromyshlennosti v Vostochnoy Sibiri i znachenie yeye dlya kraya (stat'ya). Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv, f. 772, op. 1, ch. 2, d. 5396.
- Smirnov, I.N. (2017). Plyusy i minusy administrativnoy deyatel'nosti N.N. Murav'yeva. Luchshaya nauchnaya stat'ya 2017: sbornik statey IX Mezhdunarodnogo nauchno-prakt. Konkursa, pod ob. red. G.YU. Gulyayeva. Penza: MTSNS «Nauka i Prosveshcheniye», 65-70.

Sukachev, V.P. (1891). Irkutsk. Yego mesto i znachenije v istorii i kul'turnom razvitii Vostochnoy Sibiri. M.: Tipo-litografiya Tov-va I.N.Kushnerev i Ko.

Shatrova, G.P. (1984). Dekabrist D.I. Zavalishin. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta.

Shevtsov, V.V. (2012). Neofitsial'naya chast' «Irkutskikh gubernskikh vedomostey» v 1857-60 gg. kak organ vostochnosibirskoy general-gubernatorskoy vlasti. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Istoriya, no 2 (18), 37-44.